

Е. В. Хаздан

Государственный институт искусствознания

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6709-5484

E-mail: kle-zemer@mail.ru

«Глас в пустыне»: трактовки стиха из Книги Исаяи в русских и европейских переводах: к вопросу о динамике взаимодействия культур*

АННОТАЦИЯ. Тексты Священного Писания сохраняются и передаются в традиции разных народов на протяжении длительного времени. Еврейский (масоретский) текст в течение тысячелетия транслируется без каких-либо изменений, тогда как в христианских традициях появляются разные версии его перевода. В статье рассматриваются разные варианты интерпретации стиха из Книги Исаяи. Выражение «глас вопиющего в пустыне» укоренилось в русском языке, стало крылатым. Оно трактуется как призыв, остающийся без ответа. В ряде современных переводов расстановка знаков препинания и разбиение на строки меняют смысл, и пустыня становится не тем локусом, где раздается пророчество, а местом, предназначенным для обустройства. Причем стих из Книги Исаяи и его цитаты в Евангелии оказываются переведены по-разному. Различные трактовки этого стиха мы видим в английских и немецких переводах XIV–XVII и XIX–XX веков (в том числе в разных редакциях Майлза Ковердейла, Германа Менге, Библии короля Якова, Библии Мартина Лютера), Вульгате и Новой Вульгате. Мы можем обозначить периоды, когда происходит своего рода «новое открытие» текста. Разобраться в том, какое из прочтений верное, помогают знаки кантиллиации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Танах, перевод Библии, Книга Исаяи, интерпретация текста, знаки кантиллиации, межкультурные контакты, Вульгата, Библия короля Якова, Библия Мартина Лютера

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Хаздан Е. В. «Глас в пустыне»: трактовки стиха из Книги Исаяи в русских и европейских переводах: к вопросу о динамике взаимодействия культур. *Этнография*. 2020. 2 (8): 80–102. doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-80-102

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 18-012-00227а «Концептуализация музыки в авраамических традициях. Теория — история — практика».

E. Khazdan

State Institute for Art Studies
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6709-5484
E-mail: kle-zemer@mail.ru

“Voice in the desert”: translations of a verse on the book of Isaiah in Russia and Europe: towards the dynamics of cross-cultural interactions

ABSTRACT. Texts of the scripture have been preserved and transmitted in different traditions for a long time. The Hebrew (Masoretic) text has remained unchanged over the millennia, while in Christian traditions there are different versions of its translation. The article discusses different options for the interpretation of a verse from the Book of Isaiah (40:3). The expression “a voice crying in the wilderness” has rooted in the Russian language and become a winged phrase. It is interpreted as a call that remains unanswered. In a number of modern translations the desert or the wilderness is no longer the place where the voice sounds; it has become a space to be developed. Sometimes the verse from the Book of Isaiah and its quotes in the Gospels are translated differently. We can see various interpretations of this verse in Vulgate and New Vulgate, Wycliffe Bible, Myles Coverdale Bible, King James Bible, the Luther Bible, the Menge Bible, the Old Slavic text and some new translations. We can also designate the periods when a kind of “new discovery” of the text occurs. The cantillation marks help us to understand how to read this verse. However, in some modern manuals, its interpretation is transformed again under the influence of literary studies.

KEYWORDS:

Tanakh, translation of the Bible, Book of Isaiah, interpretation of texts, Te'amim, cantillation marks, intercultural contacts, Vulgate, King James Bible, Luther Bible

FOR CITATION:

Khazdan E. “Voice in the desert”: translations of a verse from the book of Isaiah in Russia and Europe: towards the dynamics of cross-cultural interactions. *Etnografia*. 2020. 2 (8): 80–102. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-80-102

Культуры соседствующих народов принято описывать с использованием терминов «влияние» и «заимствование». Однако установить области и степень воздействия бывает трудно, а общие элементы чаще всего могут в равной мере быть характерны для обеих рассматриваемых традиций. В то же время есть область, где границу между культурами можно обозначить с очень высокой долей определенности, а их взаимодействие оставляет достаточно ясные следы. Это область богослужбных текстов. Письменная фиксация исследуемых текстов дает возможность — пусть в самом общем плане — обозначить периоды наиболее интенсивных процессов гибридизации¹, а в отдельных ситуациях — некоторые из ее направлений.

На территории Европы (включая также западные регионы бывшей Российской империи) веками проживали народы, исповедующие иудаизм, и народы, исповедующие христианство. Их сосуществование не было равноправным, притеснения и гонения, испытываемые иудеями, вели к усилению охранительных функций культуры. Одним из результатов неравновесного взаимодействия культур стало формирование двух противоположных подходов к священным текстам — Танаху и генетически восходящему к нему Ветхому Завету, являющимся базовыми для этих религий.

Как иудейская, так и христианская традиция считают Пятикнижие текстом, сохраняемым с древнейших времен. Танах, будучи корпусом, сложенным из разнородных текстов, содержал неизбежные разночтения и противоречия². Однако благодаря работе нескольких поколений масоретов к X в. н. э. был разработан свод указаний, направленных на сохранение канонизированного текста Торы. Он включал также аппарат специальных помет и примечаний. Несмотря на то, что на протяжении последнего тысячелетия крупнейшие еврейские кодификаторы неоднократно выправляли текст Пятикнижия, сверяя варианты и устраняя погрешности³, принято считать, что он неизменен и полностью защищен от искажений. Этот взгляд поддерживали тщательно охраняемые архаичные элементы традиции: в богослужении Тора читается по свитку. Он должен отвечать многочисленным нормам, в частности, в нем не должно появляться никаких дополнительных помет. Примечания и знаки, разработанные масоретами, ставились в кодексах, а в более позднее время — в печатных книгах, которые применялись для обучения. В свитке, по которому происходит

¹ Использование терминологии колониального подхода (в частности понятия гибридности и т. п., введенные Хоми Бхабха) позволяет подчеркнуть динамическое взаимодействие неравноправных культур.

² См. об этом: (Jaffé 2012).

³ Например, р. Меир ha-Леви Абулафия (ок. 1170–1245), автор комментария к Талмуду «Яд Рама» («Вознесенная рука») и его современник Рамбам (Моше бен Маймон, Маймонид, 1138–1204), создавший труд «Мишне Тора».

чтение во время литургии, этих знаков быть не должно. При этом масоретские пометы также тщательно сохранялись на протяжении тысячелетия.

Для христианской Европы текст Пятикнижия, Пророков и Писаний, напротив, предстает в *множественных версиях перевода*. К ним не может быть применено понятие канона в строгом смысле этого термина, однако все они, как и корпус новозаветных текстов, подпадают под определение нормативных, официально принятых⁴. В разные исторические периоды появление новых вариантов прочтения Библии связано с обращениями к тексту Танаха, выполняющему роль своего рода уртекста (при этом в некоторых случаях образуются разночтения между библейскими фразами и их реминисценциями в Новом завете).

Рассмотрим динамику появления новых вариантов на примере стиха из книги пророка Исайи «Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы сотворите стези бога нашего» (Ис 40:3)⁵. Он присутствует во всех четырех Евангелиях, причем в трех из них — от Матфея, Луки и Иоанна — фраза вводится как цитата (например: «Сей бо есть реченный Исаием пророком, глаголющим: глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его» Мф 3:3).

РОССИЯ: ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Выражение «глас вопиющего в пустыне» укоренилось в русском языке, стало крылатым. Его приводят многие фразеологические словари и справочники, в подавляющем большинстве которых оно трактуется как призыв, остающийся без ответа (то есть можно говорить об устойчивом значении этого высказывания). От издания к изданию меняется лишь экспрессивность и пространность определения.

М. И. Михельсон (1825–1908) дает, пожалуй, самое краткое объяснение: «Гласъ вопиющаго въ пустыне (иноск.) котораго не слышно» (1994: 196)⁶. Автор подкрепляет сказанное примерами употребления в литературной речи — цитатой из романа-фельетона А. В. Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокужника по

⁴ Митрополит Илларион (2013) подчеркивает: «Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания. Единого общепринятого текста Библии в православной традиции нет. <...> Существуют расхождения между цитатами из Писания у Отцов; между Библией, принятой в греческой Церкви, и церковнославянской Библией; между церковнославянскими текстами Библии и рекомендованным для домашнего чтения русским Синодальным переводом». О различиях между каноном и официально принятой версией см. также: (Хухуни, Осипова 2013).

⁵ В современном синодальном переводе: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему». В пособии А. Шилоаха этот стих выступает примером, когда даже при учете масоретских помет имеются два возможных варианта прочтения (Shiloah 1985: 73–74).

⁶ Первое издание книги вышло в 1902–1903 гг. Материалы, собранные Михельсоном, переизданы в Большом толково-фразеологическом словаре в ETS Publishing house, 2004 г.

петербургским дачам»⁷ («Безъ тебя (благосклоннѣйшій изъ читателей) я былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, эоловой арфой безъ вѣтра, разливающей гармонию среди унылой окрестности»), а также эпиграммой Н. Ф. Щербины на издававшуюся К. С. Аксаковым славянофильскую газету «Молва»:

Къ «Молвѣ» названье не пристало:
Ея читателей такъ мало,
Что хоть зови ее отнынѣ:
«Гласъ вопіющаго въ пустынь» (1857).

В словаре В. З. Овсянникова «Литературная речь» (1933: 59) указаны прямое и переносное значения: «1) в прямом смысле — голос пророка, который вопиет (пророчествует) в пустыне; 2) иноск. — обращение, призыв, который никто не хочет слушать». В книге Ашукиных «Крылатые слова» (1987: 78) уже нет никаких религиозных коннотаций, а дается сжатое определение: «Напрасный призыв к чему-либо, остающийся без внимания, без ответа»⁸. Это определение стало нормативным, практически штампом. С очень небольшими изменениями оно переключалось в многократно переиздававшийся словарь под редакцией Молоткова (1987), где само выражение помечено как книжное⁹, и в «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков» А. И. Фёдорова (1997: 141), где оно имеет помету «книжное, экспрессивное».

В XXI в. это выражение вошло в два фразеологических словаря, составленных А. Н. Тихоновым (2003: 49, 2004: 250), в сборник афоризмов и цитат «Библейская мудрость» Л. А. Ракова (2004: 56), в историко-этимологический словарь «Русская фразеология» (Бирих 2005: 141).

Авторы «Большого словаря крылатых слов и выражений» попытались внести в толкование собственные уточнения (выделены курсивом): «Напрасный призыв *к кому- или чему-либо; голос (крик, просьба, призыв)*, остающийся без внимания, без ответа» (Берков и др. 2008: 263–264). Если пояснения к слову глас можно объяснить попытками уточнить значение старославянского слова, то добавление местоимений «к кому-либо» и особенно «чему-либо» выглядит излишним. В «Фразеологическом словаре старославянского языка» дана более сжатая трактовка: «Безответный, напрасный призыв к кому-либо» (Шулежкова 2011: 145).

Современные составители словарей пытаются дать развернутое толкование, часто расширяя ряды синонимов, в некоторых случаях не учитывая богословский контекст выражения и ориентируясь лишь на его

⁷ Роман печатался в «Современнике» в 1850 г.

⁸ Первое издание — Гослитиздат, 1955 г. Такая лаконичность объясняется тем, что религиозная тематика в СССР находилась под строгим запретом.

⁹ Первое издание: 1967 г.

современное звучание. Например, К. Н. Дубровина (2010: 151) допускает, что выражение может иметь шутливо-иронический оттенок. В ее понимании это «страстный, но тщетный призыв к чему-либо; предостережение, просьба, остающиеся без ответа, без внимания; выражение отчаяния без надежды на отклик». Далее автор делает дополнение: «В Библии оборот выражает предупреждение, обращает внимание на важное явление, которое должно произойти» (Дубровина 2010: 154), не конкретизируя, впрочем, о каком именно явлении идет речь.

Справочник по фразеологии на портале «Грамота.ру» предлагает два альтернативных варианта происхождения выражения. Согласно первому, это «пророк Исаия взывает к израильтянам из пустыни уготовить путь к Богу, но остается не услышанным», а по другой версии, «здесь имеется в виду Иоанн Предтеча, проповедовавший и крестивший в пустыни, то есть в “пустом, необжитом месте”»¹⁰. О том, что это цитата из Книги пророка Исаии (а Иоанн Креститель родился лет на семьсот позже), авторы не упоминают¹¹.

Рассматривать крылатое выражение с учетом исторического контекста предлагает Н. М. Шанский (1995: 50) (курсив в цитате наш — Е. Х.): «Современное значение ‘безответный, напрасный призыв к кому-либо’ — у Исаии его еще нет — возникло как осмысление того, что израильтяне, к которым обращался отшельник, к его словам не прислушались». Автор не затрудняет себя ответом на вопрос, с какого времени можно считать значение выражения *современным*, но ясно обозначает позицию: «у них» (давно) — «у нас» (сегодня).

Некоторые авторы полагают, что оборот заимствован из старославянского¹², так, в учебном пособии «Современный русский язык» говорится: «В особую группу выделяют фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка: *запретный плод, земля обетованная, исчадие ада, манна небесная, притча во языцех, хлеб насущный, в поте лица, кость от кости, глас вопиющего в пустыне, вавилонское столпотворение*. Их источником были христианские книги (Библия, Евангелие), переведенные на старославянский язык» (Розенталь и др. 2010: 115)¹³. Этот абзац, но уже без упоминания библейских книг, повторен в словаре А. Н. Тихонова и Р. И. Хашимова (2014: 383): «Среди заимствований немало славянизмов.

¹⁰ URL: <http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%93>

¹¹ Связь речения с Иоанном Крестителем восходит к Евангелию от Луки: «...при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, как написано в книге слов пророка Исаии, который говорит: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Лк 3: 2–4, цит. по синодальному изданию).

¹² Не очень понятно, можно ли говорить о заимствованиях в ситуации многовековой диглоссии, при которой обороты из церковнославянских текстов присутствовали в сознании людей, включались в повседневную речь, выступали маркерами высокого стиля.

¹³ Первое издание: 1991 г.

Это устойчивые словосочетания из старославянских текстов, переосмысленные на русской почве: *знамение времени, притча во языцех, глас вопиющего в пустыне, соль земли, повергать в прах кого-л., посыпать пеплом главу, каинова печать* и т.п.».

Небольшой по историческим меркам период наглядно показывает, как по идеологическим причинам в комментариях и пояснениях сначала отсекается информация о происхождении крылатой фразы (вместо нее используется безлика помета «книжн.»), а затем дается отсылка уже к «своим», старославянским источникам.

«Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телии (2009) предлагает культурологический комментарий, под которым авторы понимают замену привычных определений модными научно-образными понятиями: «...фразеологический оборот восходит к библейскому дискурсу. В его основе метонимический перенос: глас (голос) означает речевую деятельность человека (призыв, слова, обращение и т. п.)».

Резким контрастом на этом фоне выглядит комментарий сайта *frazbook.ru* («Словарь фразеологизмов 2008–2014 г.»), стремящегося передать значение стиха из Книги Исаяи «максимально доступным языком»: «Согласно древнему библейскому сказанию, один весьма почетный и уважаемый пророк [призывал] к тому, чтобы люди построили на месте пустыни так называемый путь к богу. В этом случае пришлось бы в глухой степи положить хорошие дороги, сделать горы меньше, а также выровнять то, что выступает не так, как это нужно¹⁴. Все эти прошения люди пропускали мимо ушей, ведь никто и не собирался браться за такую работу. <...> С давних пор этим выражением обозначали безразличные призывы и уговоры сделать определенные действия, которые никто не слушает, и которые заранее обречены на провал. На данный момент фразеологизм дошел до нас без каких-либо изменений»¹⁵. Если не принимать во внимание стиль, нужно отметить, что необычным в этой трактовке является статус пустыни. Все предыдущие комментаторы помещали в нее пророка. Здесь же местоположение оставшегося неназванным Исаяи неопределенно, а пустыня — это локус, который предлагается неким образом обустроить.

Основание для подобного прочтения находим в считающемся каноническим двуязычном издании Танаха под редакцией Д. Иосифона (1978: 276) Интересующий нас стих переведен здесь следующим образом: «Глас призывает: в пустыне очищайте дорогу для Господа, ровняйте в Араве путь Богу нашему». Вместо причастия «вопиющий» — глагол. Знаки препинания расставлены не так, как мы привыкли. Пустыня оказывается не

¹⁴ В этих комментариях нетрудно узнать стих «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими» (Ис 40:4).

¹⁵ См.: <http://frazbook.ru/2011/01/05/glas-vopiyushhego-v-pustyne/> Дата обращения: 23.04.2020 г.

тем местом, где совершается пророчество, а нехоженным пространством, которое необходимо подготовить для прихода Всевышнего.

В конце XX в. выражение, долгое время трактовавшееся одним способом, обретает иное прочтение. Опорой для изменения толкования служит обращение к культуре-первоисточнику (в данном случае — к древнееврейскому оригиналу Книги пророка Исаяи). Происходит своего рода «новое открытие» текста.

В русских переводах последнего времени стих из Книги Исаяи дается в версии, близкой этой последней трактовке, которая дополнительно акцентируется разбивкой на строки. Появляются и новые комментарии. Например, у А. Э. Графова (2004: 98):

Голос взывает:

— Приготовьте в пустыне дорогу Господу,
путь прямой в степи проложите для Бога нашего!

Переводчик поясняет: «Видимо, речь идет о грядущем возвращении евреев из Вавилона в Иерусалим. Поскольку Господь с ними, то их путь через пустыни и степи — это путь Господа» (Там же).

А. С. Десницкий (2013: 47) предлагает еще более дробную разбивку на строки:

Голос взывает:

— Приготовьте в пустыне Господень путь,
распрямите степные тропы
для нашего Бога!

Комментарий переводчика направлен на устранение противоречия, допущенного Графовым (каким образом за два столетия до вавилонского пленения могла идти речь о возвращении из него евреев?): «... мы можем считать, что на самом деле эти слова произносил другой пророк, наследник Исаяи Иерусалимского, который добавил свои слова к пророчествам великого предшественника — произносил их уже во времена Вавилонского плена, когда это пророчество было действительно актуально» (Десницкий 2013: 2).

Можно констатировать, что в течение последних двадцати–двадцати пяти лет в русских изданиях меняется нормативное значение и устанавливаются новые «правила прочтения» стиха из Книги Исаяи. Его значение теперь не совпадает с крылатым выражением, но — парадоксальным образом — сосуществует с ним. Ведь обыкновенно, как мы видели из словарных статей, произнося этот фразеологический оборот, человек подразумевает, что призыв остается без ответа, *как если бы он звучал в пустыне*.

Означает ли появление новых переводов Книги Исаяи, что россияне в течение столетий пользовались неточно переведенным текстом, и выражение, закрепившееся в языке, на самом деле ошибочно? Как на самом деле следует читать (и переводить) этот стих? Как, наконец, быть с цитирующими его евангельскими текстами? Прежде, чем обратиться к этим вопросам, посмотрим, является ли такая ситуация характерной лишь для русских переводов.

ЕВРОПА, XV — СЕРЕДИНА XVI ВЕКА

Не касаясь фразеологии, заглянем только в некоторые издания Ветхого и Нового Завета¹⁶. В средневековых текстах на английском и немецком языках стих из книги Исаяи изложен в привычной нам форме. Так, в канонической Библии короля Якова («King James Bible», 1611) читаем: «**The voyce of him that cryeth in the wilderness, Prepare yee the way of the Lord, make straight in the desert a high way for our God**»¹⁷. В Библии Мартина Лютера (1534): «**Es ist eine Stimme eines Predigers in der Wüste: Bereitet dem HERRN den Weg, macht auf dem Gefilde eine ebene Bahn unserm Gott!**». В них есть два локуса, обозначенных синонимами (wilderness — desert; Wüste — Gefilde); в первом раздается пророчество, во втором предполагается прокладывать пути. Ту же картину видим в «The Wycliffe Bible» (1395): «**The vois of a crier in desert, Make ye redi the weie of the Lord, make ye riytful the pathis of oure God in wildirnesse**».

Однако если обратиться к другим ранним английским изданиям, выяснится, что трактовка отнюдь не столь однозначна¹⁸. В одной из редакций Майлза Ковердейла («Myles Coverdale Bible», 1535) оба синонима помещены *после двоеточия*, порядок слов изменен: «**A voyce crieth: Prepare ye waye for the LORDE in the wyldernesse, make straight ye path for oure God in the deserte**». В подготовленной Ковердейлом редакции «The Great Bible» (1540), экземпляры которой по указу Генриха VIII были положены в каждой церкви, фраза построена иначе. Голос пророка звучит в пустыне, а затем форма того же самого слова употреблена для обозначения пространства, предназначенного для расчистки, а его синоним — для

¹⁶ Мы не ставим задачи полного охвата и анализа всех изданий и ограничимся лишь наиболее распространенными, «каноническими», «нормативными» для определенных периодов, в первую очередь английскими и немецкими изданиями.

¹⁷ Здесь и далее выделения ключевых слов стиха сделаны нами. — Е. Х.

¹⁸ Обзор английских переводов XVI–XVII вв. см.: (Чугунова 2015). Цитаты из ранних английских переводов Библии взяты с сайта The Gospel Trumpet, раздел Early English Versions of The Bible. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:https://www.lcoggt.org/bibles.htm> (дата обращения: число? январь 2017 г.). Орфография оригиналов сохранена. См. также URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Isaiah+40&version=KJV> (дата обращения: 21.01.2020 г.).

указания места прокладки путей: «**A voyce crieth in wildernes. Prepare the waye for þe Lorde in the wildernesse, make streyght þe path for oure God in þe deserte**». «The Matthew Bible» (1549), ставшая своего рода обобщением предыдущих редакций, в том числе и версии Ковердейла, вновь акцентирует параллелизм, ставя синонимы в конец строк, на которые можно разбить слова пророка, и никак не называя место, где раздается его голос: «**A voyce cryeth: Prepare the waye for the Lorde in the wyldernesse, make streyght the path for oure God in the deserte**». Наконец, в издании архиепископа Кентерберийского М. Паркера «The Bishops' Bible» (1568), текст которого стал базовым для Библии короля Якова, закрепляется привычная нам структура предложения: «**A voyce crieth in wildernesse: Prepare the way of the Lorde, make straight the path of our God in the desert**». В череде английских переводов, сделанных в течение небольшого промежутка времени, были представлены, кажется, все возможные варианты прочтения этого стиха.

Известно, что Майлз Ковердейл не знал древнееврейского языка. «The Great Bible» была подготовлена после его работы над Полиглотой — изданием, в котором в числе других был помещен также текст на латыни. Согласно принятым нормам, «стилистическая редакция переводного текста, если она проведена с использованием иноязычного оригинала, приобретает характер нового перевода» (Алексеев 1999: 61). Два варианта текста разделяет всего пять лет, но мы видим, что в интересующем нас стихе появилось дополнительное упоминание пустыни как места, где раздавалось пророчество. Изменения были внесены после знакомства с Вульгатой (то есть стали результатом расширения культурного контекста: автор, не владея языком оригинала, обратился к более раннему авторитетному переводу).

Латинская версия (Vulgata) не содержит знаков препинания: «**Vox clamantis in deserto parate viam Domini rectas facite in solitudine semitas Dei nostri**». Лocus в стихе обозначен дважды, при этом использован прием синонимического параллелизма. Структура предложения не позволяет однозначно определить, где должна находиться цезура. Порядок слов в переводе соответствовал оригиналу (пословный перевод). Исправление, внесенное Ковердейлом, показывает лишь, что, по его мнению, перевод Иеронима Блаженного мог подразумевать, что сам пророк также находился в пустыне.

Период, в который происходят изменения в прочтении стиха, охватывает полтора столетия, он совпадает со временем распространения в Западной Европе идей *Hebraica veritas* («Еврейской истины»), а затем возникновением реформизма. Оба течения были связаны со стремлением раскрыть подлинный смысл Писания, полученного и в неизменном виде сохраняемого иудеями.

ЕВРОПА И АМЕРИКА, XX ВЕК

После многовекового периода стабильности, когда практически повсеместно фигурировал вариант, привычный нам сегодня, начинается ревизия библейских текстов. Однако в некоторых языках наряду с новыми продолжает существовать (и, как правило, признается нормативным) прежний вариант перевода.

В греческом языке, как и в старославянском (и синодальном переводе), конструкция фразы сохраняется: «**Φωνή βοώντος εν τη ερήμω**, Ετοιμάσατε την οδόν του Κυρίου. ευθείας κάμετε **εν τη ερήμω τας** τρίβους του Θεού ημών». А вот в выпущенной после Второго Ватиканского собора (1962–1965) Новой Вульгате (Nova Vulgata Bibliorum Sacrorum Editio) не только расставлены знаки препинания, разделяющие голос пророка и пустыню, но и сделана соответствующая разбивка на строки:

Vox clamantis:

In deserto parate viam Domini,
rectas facite **in solitudine**
semitas Dei nostril.

Мы видим, что переводчик снова задается вопросом о том, что же происходит в пустыне, и голос пророка оказывается вне ее пределов.

В 1926 г. в Германии вышел перевод Германа Менге (Hermann August Menge, 1841–1939), где стих передан чрезвычайно свободно (но, как считал Менге, отход от буквального перевода позволил дать филологически более точную версию): «Horch! **Ein Ruf erschallt: “In der Wüste** bahnet dem HERRN einen Weg, ebnet **in der Steppe** eine Straße für unsern Gott!»¹⁹.

Редакторы Библии Мартина Лютера (издание 1984 г.) последовали примеру Менге, заменив «eines Predigers» (вопящего) на глагол «rufen» (взывать), а между «голосом» и «пустыней» поставив двоеточие: «Es ruft **eine Stimme: In der Wüste** bereitet dem HERRN den Weg, macht **in der Steppe** eine ebene Bahn unserm Gott!».

В вышедшем на рубеже XIX и XX вв. американском переводе изменен порядок слов, и теперь он, а не расстановка знаков препинания определяет смысл: «**The voice of one that crieth**, Prepare ye **in the wilderness** the way of Jehovah; make level **in the desert** a highway for our God» (American Standard Version, 1901). Близкий вариант дан в переводе середины XX века: «**A voice of one crying**, Make ready **in the waste land** the way of the Lord...» (Bible In Basic English, 1941)²⁰.

¹⁹ Тексты современных немецких изданий взяты с сайта «Das Bibelportal der Deutschen Bibelgesellschaft». URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln> (дата обращения: ???).

²⁰ См. также «New American Standard Bible».

Даже беглый обзор показывает, что новое прочтение стиха, появившееся в России в конце XX века, уже более столетия утверждается в Европе и США. Его появление происходит в период становления нового метода исследования — сравнительного языкознания, подтолкнувших к поискам выразительных средств.

При работе над новыми вариантами Книги Исаяи переводчики обращаются к тексту Танаха, стремясь передать текст максимально достоверно. Правда, с течением времени понимание достоверности менялось: средневековые авторы тяготели к буквальному и пословному переводу²¹, а при создании учеными Кембриджского и Оксфордского университетов «British Revised Version» (1885) декларировался принцип «verbal accuracy tradition». А. Десницкий выстраивает антитезу: перевод точный (буквальный) и перевод понятный (свободный) (Десницкий)²². Рассматривая современные английские переводы Священного Писания О. В. Сушкова подчеркивает, что цель их авторов — та же, что и у издателей «British Revised Version» — *точный* перевод, но «...стало ясно, что те, кто хотят максимально точного перевода — а это принципиальная характеристика века научных Библий, — должны заботиться не только о точности передачи всех особенностей оригинала и тонкостей греческой и древнееврейской грамматик, но также и о том, чтобы переводить на язык, являющийся языком современного общения» (Сушкова 2011: 59)²³. В одном случае лозунгом переводчика становится «буквально, насколько возможно; свободно, насколько необходимо», в другом — формулировка, предложенная М. Штрауссом: «Передавайте смысл; форму сохраняйте тогда, когда это способствует вашей цели» (Strauss 2005: 157–158).

²¹ Н. А. Кулькова (2007: 97–98) обращает внимание, что перевод по смыслу (*de sensu*) подразумевает соавторство и в силу этого был менее распространен у средневековых авторов, чем буквальный («пословный», *de verbo*), при котором «внимание переводчиков сосредоточено в основном на сохранении эквивалентности на лексическом уровне», что нередко приводило к нарушению синтаксиса.

²² Однако Э. Н. Мишуров подчеркивает: «Многовековой опыт “перевода смыслов” сакральных книг свидетельствует, что способы и формы их передачи нередко зависят от тех задач, которые ставит перед переводчиком общество, а также от личных устремлений и наклонностей» (Мишуров 2013: 10–11). А. А. Алексеев считает: «В отличие от средневековых переводов, буквальность сегодняшнего перевода выражается, как правило, нарушениями на стилистическом, а не на грамматическом или лексико-семантическом уровне» (Алексеев 1999: 55).

²³ «Век научных Библий», согласно периодизации, предложенной библеистом Кэмероном Маккензи (К. MacKenzie), начался с 1611 г. — времени издания Библии короля Якова — и продлился до конца 1980-х гг. Для переводчиков этого периода главным становится не богословие, а научно-текстологическая база. Появление «New Revised Standard Version» (1989) и «Revised English Bible» (1990) знаменует начало третьего периода, который Маккензи называет «постмодернистским веком английской Библии» (*Ibid*). «В центре усилий библейских переводчиков — новый читатель постхристианской эпохи и новый библейский язык, доступный этому читателю. <...> Теория библейского перевода <...> получает научное подкрепление и отныне черпает идеи в различных отраслях лингвистики, теории коммуникации, культурологии, социологии и других областях гуманитарного знания», — поясняет О. Сушкова (2011: 59–60).

Так, особенность перевода Менге — экспрессия высказывания, которой он добивался, по возможности избегая артиклей, делая строку сжатой, упругой. Лапидарное «Kol kore», которое у Лютера переводится тяжеловесным пассажем: «Es ist eine Stimme eines Predigers», Менге сводит к «Ein Ruf erschallt». Остаются лишь два ударных слога — как и в оригинале — и даже местоположение ударения сохранено. Переводчик старается передать то, что С. Аверинцев называет «прямой выразительностью»: «... слова все больше краткие, никакого “плетения словес”, сплетения корней (так удающегося, признаться, по-гречески и по-славянски); ритм свободный, но отчетливый и сжатый...» (Аверинцев 1998: 94). Редакторы лютеровского перевода (1984) также заменили причастие на глагол и, по-видимому, старались передать ритмическую пульсацию (и также сохранить число ударных слогов): «Es ruft eine Stimme».

СТИХ ИСАИИ КАК ЦИТАТА В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТАХ

Большинство упомянутых нами изданий включают Ветхий и Новый Заветы. В средневековых переводах в текстах Евангелий стих из Книги Исаии цитируется практически слово в слово. Исключение составляет «Myles Coverdale Bible» (1535), где новая трактовка стиха из Книги пророка Исаии не затрагивает евангельских текстов. В более поздней редакции («The Matthew Bible», 1549) в Евангелиях от Матфея и от Марка отсутствуют знаки препинания, и цезура остается на усмотрение читающего текст: «пустыня» может быть местом, где раздается голос пророка, или пространством, требующим обустройства. В Евангелиях от Луки и Иоанна полностью восстановлена привычная нам синтаксическая конструкция.

Отмеченные нами изменения в переводах Книги Исаии, выполненных в XX в., парадоксальным образом не затронули цитирующих этот стих евангельских текстов. В последних во всех случаях сохраняется грамматическая конструкция, которая читается как «глас вопиющего в пустыне». Так, в Библии Лютера (редакция 1984 г.) у всех евангелистов присутствует оборот «**eine Stimme eines Predigers in der Wüste: Bereitet den Weg des Herrn...**». В переводе Менге в Евангелии от Марка (1:3) причастие заменено глаголом, но локализация голоса в пустыне сохраняется: «...**eine Stimme ruft in der Wüste: “Bereitet den Weg des Herrn, macht gerade (oder: ebnet) seine Pfad!”**». В Евангелии от Иоанна же читаем: «Da antwortete er: “**Ich bin die Stimme dessen, der in der Wüste ruft: „Ebnet dem Herrn den Weg!“**, wie der Prophet Jesaja geboten hat”».

Та же картина наблюдается в английских переводах. Например, стих Евангелия от Матфея (Мф 3:3) в «American Standard Version» (1901): «For this is he that was spoken of through Isaiah the prophet, saying, / **The voice of one crying in the wilderness,** / Make ye ready the way of the Lord». Цитата

из книги Исаяи в Евангелии от Иоанна (1:23) в версии «Bible In Basic English» (1941) звучит следующим образом: «He said, I am **the voice of one crying in the waste land**,/ Make straight the way of the Lord, as said Isaiah the prophet».

То есть во всех случаях сохраняется конструкция «глас вопиющего в пустыне». Отчего изменение фразы в Книге Исаяи не влечет за собой изменения соответствующих стихов в текстах Евангелий?

ПОИСК ОТВЕТОВ

Источником для перевода Книги Исаяи служил древнееврейский оригинал, к Септуагинте или Вульгате обращались лишь за уточнениями, прояснением темных мест. Переводы же евангельских текстов делались с древнегреческого языка, который был лучше знаком европейским исследователям, поскольку входил в программы гимназий и университетов. В койне (древнегреческом) существовало четкое разделение глаголов и отглагольных форм. Изменение в евангельских текстах «вопиющего», «взывающего» на «вопиет» было бы явным искажением текста Писания.

Древнееврейский язык не имел столь широкого распространения в нееврейской среде. Принято считать, что до конца XIX в. он оставался в обиходе еврейских общин в достаточно усеченной роли — как *loshn koydesh*, язык Торы и молитвы. Однако, согласно современным данным, его функционирование в общинах Европы не ограничивалось раввинистической литературой. Существовал так называемый маскильский иврит — язык переписки, мемуарной и художественной литературы, поэзии, публицистики. В конце XIX в. на основе маскильского иврита был создан язык, который сегодня называют современным ивритом²⁴. У двух языков — древнееврейского и иврита — много общего, однако есть и немало отличий²⁵.

Рассматриваемый стих начинается словами «Kol kore». *Kol* — это голос. *Kore* в древнееврейском языке — отглагольная форма, деепричастие, а в современном иврите это глагол настоящего времени. Соответственно «Kol kore» можно прочесть как «голос взывает», «зовет». Обновление языка также могло повлиять на появление нового варианта перевода, но, вероятнее всего, его воздействие стало существенным лишь со второй половины XX в., когда авторы могли ориентироваться на официальный язык Израиля.

²⁴ С. Б. Ямпольская (2015) показывает, что полного замещения старой формы языка на новую не происходит, и в течение значительного периода в Восточной Европе продолжает существовать «европейский иврит».

²⁵ Израильский взгляд на проблему несовпадений в современном иврите и древнееврейском языке см.: (Zuckermann, Holzman 2014).

Становление структурной лингвистики открыло исследователям еще один ракурс рассмотрения текста. Переводчики обращают внимание на уже упоминавшиеся нами параллелизмы библейского текста («приготовьте» — «прямыми сделайте», «путь» — «стеzi», «Господу» — «Богу нашему»), стремясь подчеркнуть или, напротив, затушевать их.

Во многих переводах обозначение этих локусов занимает ключевую позицию во фразе — в начале, середине и в конце высказывания. В приведенном нами варианте перевода А. Э. Графова две пары синонимов имеют одинаковое место в строках (но в одном случае изменены падежи), а две другие меняются местами:

Приготовьте	в пустыне	дорогу	Господу,
a	b	c	d
путь прямой	в степи	проложите	для Бога нашего
c	b	a	d

А. С. Десницкий, посвятивший библейским параллелизмам отдельное исследование (2007), маскирует этот прием, составляя несимметричные пары: «Господень путь», «степные тропы». «Без пары» в стихе остается лишь *взывающий голос* — отделяя его от остального текста двоеточием, переводчики подчеркивают структуру текста.

Еще одной причиной, по которой стих прочитывается по-новому, может быть поиск и выведение на первый план определенного контекста. Так, другие стихи Книги Исаяи воспринимаются как подтверждение трактовки пустыни в качестве места, по которому *надлежит прокладывать путь*: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; <...> они увидят славу Господа, величие Бога нашего» (Ис 35:1–2). «И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис 35:8). Комментаторы предлагают трактовать пустыню как требующее исправления человеческое сердце²⁶, и как нравственное состояние народа (и дохристианского мира в целом — как «степь язычества»), где требуется «предуготовление пути Господу Христу» (Харчлаа 1966: 84), и как не являющееся аллегорией строительство дорог в древности (Уолтон и др. 2003), расчистку пути перед ближневосточным правителем: «Здесь описывается гонец, который чинит дорогу и убирает с нее препятствия, готова ее к проезду царя» (Уирсби 2011: 635)²⁷.

²⁶ «...чтобы мы делали для Бога прямыми пути и стеzi в сердцах наших, и наполнялись добродетелями, и принижались смирением...» (Иероним 1882: 141).

²⁷ См. также: (Лопухин 2001: 1103).

Принимая эту логику, мы невольно задаемся вопросом: не следует ли из этого, что евангелисты, цитируя, исказили смысл стиха и — все четверо — неверно читали Книгу пророка?

ЕВРЕЙСКИЙ ТЕКСТ

Последуем европейской традиции выверять перевод по тексту Танаха. Вот как выглядит этот стих:

קוֹל קוֹרָא בַּמִּדְבָּר פִּנֵּי תְרֹד יְהוָה יִשְׁרֹוּ בְּעֵרְבָה מִסְלָה לְאֱלֹהֵינוּ:

Некоторые из синонимов, образующие поэтические параллели, оказываются переставленными: «в пустыне очищайте» — «ровняйте в Араве» (a b — b a). Слово *midbar* («пустыня») стоит непосредственно за *kore* («вопиющего/вопиет») — это передавали Вульгата и английские средневековые переводы. Обозначения, которые ясно показали бы место цезуры, отсутствуют.

Еврейский текст снабжен *ta'ame hamikra'*, или *te'amim* — масоретскими знаками, помогающими чтению: расстановке ударений в словах, выявлению грамматических связей, выстраиванию интонационного и ритмического рельефа фразы²⁸. *Te'amim* играют роль одного из элементов «системы безопасности», призванной оградить от искажения текст Писания.

Понять расстановку знаков препинания по этим знакам непросто: смысл конкретизируется не только путем разделения слов или словосочетаний разными по значимости паузами, но и при помощи интонации, которая может быть представлена как музыкальная.

Слова *kol kore* («глас вопиющего») соединены знаком *munakh* () — между ними нет цезуры. Над *kore* — напоминающий двоеточие *zakef katon* («малый закеф») — разделительный знак второго уровня, показывающий, что при чтении здесь следует сделать достаточно большую паузу. Но и над словом *midbar* («пустыня») — также разделительный знак второго уровня — *zakef godol* (|: «большой закеф»). Оставив искушение сказать, что уже из названия («большой» — «малый») видно соотношение обозначений, обратимся к их описаниям.

Д. Г. Маггид (1911: 227) проводит аналогии некоторых из *te'amim* с конкретными знаками препинания: «...силлук, соф-пасук и этнах равны точке, точке с запятой, иногда и двоеточию; катон и сегол равны запятой и т.д. Среди библейских акцентов есть еще две степени пауз меньше запятой, так что посредством их возможно графически передать почти все тонкости декламации». В этом ряду, считает Маггид, *zakef godol* можно

²⁸ Подробнее см.: (Хаздан 2015, 2018).

уподобить восклицательному знаку: он ставит на слове «акцент с характерным *sforzato*» (*zakef katon* здесь не упоминается). В предложении *zakef godol* «может повторяться подряд два, иногда и три раза. Следует за большими паузами и не имеет никаких служебных акцентов» (Маггид 1911: 235).

В. Викес поясняет, что мелодия *zakef katon* («малого» или «простого») — «проще», тогда как *zakef godol* отличается «более полным и сильным тоном». Исследователь подчеркивает: «Мы не должны быть дезориентированы и предполагать, что *zakef godol* обозначает бóльшую паузу, чем *zakef katon*. Разница между ними лишь музыкальная» (Wickes 1887: 18)²⁹. В другом месте автор настаивает: в тех случаях, когда в стихе повторяется знак *zakef* (не разделяя его на большой и малый: в приведенных им примерах дважды появляется то *zakef katon*, то *zakef godol*, то оба символа один за другим), при первом своем появлении он обозначает более значимую паузу, чем при втором, а при втором — бóльшую, чем при третьем (Wickes 1887: 65, footnote 8).

Думается, не все примеры подтверждают это положение. Однако в любом случае при чтении мы ориентируемся на современную интонационную логику языка, неспособную выступать здесь доказательством.

В главе VII Викес подробно разбирает различия в использовании обоих знаков (Wickes 1887: 75–84). Рассматривая ситуации, когда основная пауза оказывается перед словом, отмеченным знаком *zakef*, перебирая варианты ее оформления, когда некоторые другие знаки могут быть поставлены так или иначе, автор восклицает: «Это просто *музыкальные вариации*. Мы можем получить *одно и то же* эмоциональное выражение любым указанным способом, используя ритмическую каденцию целиком или не полностью» (Там же: 77)³⁰. Это замечание не означает, что у чтеца есть свобода выбора: он обязан озвучивать текст согласно представленным знакам (по памяти, так как во время службы используется свиток, в который масоретские пометы — огласовки, *te'amim* — не вносятся). Рассуждения Викеса — попытка объяснить закрепленную традицией вариативность постановки некоторых помет музыкальной логикой, поскольку грамматические, синтаксические, смысловые резоны оказываются недостаточными.

Из пояснений Маггида и Викеса понятно лишь, что, во-первых, на слове *midbar* («пустыня») следует делать акцент, а во-вторых, перед ним и после него стоят цезуры, примерно равные по значимости. Тогда фраза может быть прочитана двумя способами, и в ней, в зависимости от того, произнесение какого из слов будет звучать более весомым и какая из пауз окажется более значительной, пустыня может стать как местом

²⁹ Перевод наш. — Е. Х.

³⁰ Курсив В. Викеса. «Ритмическими каденциями» автор называет устоявшиеся последовательности *te'amim*. В своих пояснениях Викес не раз обращается к звучанию текста.

пророческой речи, так и местом будущего пути Всевышнего (собственно это же мы видим в тексте Вульгаты).

Однако *te 'amim* не просто расставляют те или иные цезуры: это не перерывы в прочитывании текста. Неслучайно одно из их названий — знаки кантилляции: они передают конкретное звучание, имеющее протяженность и интонацию. Последняя не может быть для нас определяющей по нескольким причинам. Во-первых, все нотные фиксации знаков кантилляции в достаточной степени условны: они передают лишь общие интонационные очертания, так как европейская система нотации не приспособлена для записи вне четкого метра и равномерной температуры. Во-вторых, эти фиксации каждый раз отражают слуховой опыт того, кто их производит. В-третьих, сегодня восприятие нотной записи неизбежно происходит с оглядкой на европейскую музыкальную теорию. Ухо ищет «ладовую опору» или даже «тонику», некое «кадансирование» или хотя бы «сферу устойчивости», которую находит, основываясь на опыте академического музыкознания. Исходя из этих соображений, мы не предлагаем читателю сравнивать два музыкальных фрагмента и определять, какой из них более пригоден для завершения музыкальной мысли. Зато длительность звучания может рассматриваться как объективный фактор.

Вот какие интонационные формулы для интересующих нас знаков опубликованы в трактате XVI века (Reuchlin 1518)³¹:

zakef katon

zakef godol

Дж. Якобсон предлагает следующие варианты распева (Jacobson 2002: 670–671)³²:

zakef katon

³¹ Запись переведена в современную нотную графику; в трактате нотная строка идет справа налево, мелодия помещена в партии тенора.

³² См. также варианты распева стиха в кн.: (Levine 1989: 42).

zakef godol

В расшифровках, приводимых разными исследователями, мотив, соответствующий знаку *zakef godol* существенно протяженнее мотива *zakef katon*. Мелодия, на которую он распевается, длиннее; соответственно произнесение слова *kore* оказывается более кратким, чем *midbar*. Таким образом, слова «вопиет/вопиющий» и «пустыня» оказываются менее разделены, чем «пустыня» и последующий текст. Этот фактор мог быть решающим в трактовке стиха, и, возможно, он стал причиной «единогласия» цитирующих его евангелистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СМЕНА ВЕКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В конце XX — начале XXI в. происходят новые изменения в трактовке того же стиха, теперь уже в еврейской традиции. Напомним, что перевод стиха, начинающийся словами «Глас призывает» появился в издании Танаха под редакцией Иосифона (1978: 276). В некоторых пособиях для обучения синагогальной кантилляции мы наблюдаем следование за новыми переводческими течениями. Например, Якобсон указывает, что стих из Книги Исаяи может быть прочитан двумя способами. В XIX в. — отмечает он, — был распространен вариант «A voice is calling in the wildness...», но в масоретском тексте другая версия. В доказательство автор ссылается, однако, не на масоретские пометы, а на поэтический параллелизм (Jacobson 2002: 955–956).

Таким образом в настоящее время поменялась пара взаимодействующих традиций (теперь это не иудаизм и христианство, а богослужebная и секулярная культуры). Изменилось и направление влияния. Если раньше ученые исходили из норм литургической практики, то теперь обоснованием трактовки стиха при обучении чтению Торы выступают лингвистические исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1998. № 1. С. 94–97.

Алексеев А. А. Текстология Славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1987.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых

слов и выражений русского языка. М., 2008. Т. 1.

Бирих А. К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.

Книга Исаяи / Пер. и комм. А. Э. Графова. М., 2004.

Десницкий А. С. Библейский перевод: точки выбора // Научный богословский портал Богослов.ru URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2243844.html>. Дата обращения: 18.01.2020.

Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М., 2007.

Книга пророка Исаяи / Авторская версия перевода А. С. Десницкого. Электронное издание. URL: <http://desnitsky.ru/wp-content/uploads/2015/01/Isaiah.pdf>. Дата обращения: 14.01.2020.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.

Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 8. Толкования на пророка Исаию. Кн. 9–14. Киев, 1882.

Первые и последние пророки / Ред. перевода Д. Иосифон. Иерусалаим, 1978.

Кулькова Н. А. Цитаты из Священного Писания в переводах Руфина Аквилейского // Вестник ПСТГУ. III Философия. 2007. Вып. 4 (10). С. 94–113.

Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания / Под ред. А.П. Лопухина. Минск: Харвест, 2001. Т. 2.

Маггид Д. Г. Кантилляция // Еврейская энциклопедия: В 16 т. СПб., 1908–1913. Т. 9. 1911. Стб. 225–241.

Митр. Илларион. Переводы Библии: история и современность // Русская Православная Церковь. Официальный сайт отдела внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> (Дата обращения 08.06. 2016).

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии / Предисл. и комм. В. М. Мокиенко: В 2 т. М.: Русские словари, 1994. Т. 1.

Мишкуроев Э. Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 3–29.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.

Овсянников В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. М., 1933.

Библейская мудрость. Афоризмы и цитаты / Авт.-сост. Л. А. Раков. М.; Донецк, 2004.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: Учебное пособие. М., 2010.

Сушкова О. В. Два течения в море библейского перевода: о современных английских переводах Библии // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М. 2011. Вып. 4. С. 55–74.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2009.

Фразеологический словарь русского языка / Сост. А. Н. Тихонов. М., 2003.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. Н. Тихонов и др.; под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий.

Русский язык: В 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Тихонова и Р. И. Хашимова. М., 2014. Т. 1.

Уирсби У. Комментарий на Ветхий Завет: В 2 т. СПб.: Библия для всех, 2011. Т. 2. Езра — Малахия.

Уолтон Д. Х., Мэтьюз В. Х., Чавалес М. У. Библейский культурно-исторический комментарий. Часть 1. Ветхий Завет / Пер. с английского. СПб., 2003.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. М., 1997.

Хаздан Е. В. Изучение знаков кантилляции в России, Европе, Америке // Еврейская речь. Санкт-Петербург; Иерусалим, 2015. № 4. С. 10–39.

Концептуализация музыки в авраамических традициях — 2018: коллективная монография / Отв. ред. Г. Б. Шамилли // Хаздан Е. В. Три вопроса в истории изучения еврейских знаков кантилляции. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 264–287.

Толкование Ветхозаветных книг. От книги Исаии по Книгу Малахии / Ред. П. Харчлаа. Ашфорд, 1966.

Хухуни Г. Т., Осипова А. А. О понятии «официального перевода» Библии // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). 2013. № 4. С. 89–97.

Чугунова Т. Г. Английские библии XVI–XVII вв.: проблемы взаимозависимости // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 290–295.

Шанский Н. М. Евангельский текст и фразеология русского языка // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 49–57.

Фразеологический словарь старославянского языка / Отв. ред. С. Г. Шулержкова. М., 2011.

Ямпольская С. Б. Автономизмус, социализмус и идиотизмус: европеизмы в иврите, 1917–1918 // Вопросы языкознания. М., 2015. С. 90–109.

Jacobson J. R. Chanting the Hebrew Bible (Complete Edition): The Complete Guide to the Art of Cantillation. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 2002.

Jaffé D. De la Bible au Talmud: Conservatisme et innovation // La civilisation du judaïsme. De l'exil à la diaspora / Ed. S. Trigano. Paris, 2012. P. 135–146.

Levine J. A. Synagogue Song in America. Crown Point (IN): White Cliffs Media Company, 1989.

MacKenzie C. A. Theology and the Great Tradition of English Bibles. URL.: https://www.issuesetarchive.org/issues_site/resource/archives/macken.htm. Дата обращения: 23.09.2019.

Reuchlin J. De accentibus et orthographia linguae Hebraicae: Libri tres. Haguenau, 1518.

Shiloah A. Hamoreshet Hamusikalit Shel Kehilot Yisrael [Музыкальное наследие еврейских общин]. Tel Aviv, 1985. (На иврите).

Strauss M. L. Form, Function and the “Literal meaning”: Fallacy in English Bible Translation // The Bible Translator. Technical Papers. July, 2005. Vol. 56. No 3. P. 153–168.

Wickes W. Hebrew Accentuation. A Treatise on the Accentuation of the Twenty-one So-called Prose Books of the Old Testament. Oxford: Clarendon Press, 1887.

Zuckermann G., Holzman G. Let my People Know!: Toward a Revolution in the Teaching of the Hebrew Bible // International Journal of the Sociology of Language. Special issue: Jewish

Language Contact. 2014. No 226. P. 57–82.

REFERENCES

- Averintsev S. [Two words about how difficult it is to translate Biblical poetry]. *Novy mir* [New world], 1998, no. 1, pp. 94–97. (In Russian).
- Alekseev A. *Tekstologiya Slavyanskoy Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ, 1999. (In Russian).
- Ashukin N., Ashukina M. *Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya* [Winged words. Literary quotes. Figurative expressions]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1987. (In Russian).
- Desnitsky A. *Poetika biblejskogo parallelizma* [The Poetics of Biblical Parallelism]. Moscow: Biblejsko-bogoslovskij Institut sv. apostola Andreya Publ., 2007.
- Dubrovina K. *Enciklopedicheskij slovar' biblejskih frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of Biblical phrases]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2010. (In Russian).
- Iosifon D. (ed.) *Pervye i poslednie proroki* [The Former Prophets and the Latter Prophets]. Jerusalem: Mosad Ha Rav Kook Publ., 1978. (In Hebrew & Russian)
- Kul'kova N. Quotes from the holy scriptures in the translations of Rufinus of Aquileia. *Vestnik PSTGU* [Saint Tikhon's Orthodox University Bulletin], 2007, 3 Philosophy, no. 4, pp. 94–113. (In Russian).
- Mishkurov E. [On the “Hermeneutic Turn” in modern theory and methodology of translation (3)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Bulletin], 2013, no 3, pp. 3–29. (In Russian).
- Sushkova O. [Two trends in the sea of Biblical translation: on modern English translations of the Bible]. *Svet hristov prosveshchaet vseh: Al'manah Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-hristianskogo instituta* [The light of Christ Enlightens everyone: St. Philaret's Christian Orthodox Institute Almanac]. Moscow, 2011, issue 4, pp. 55–74. (In Russian).
- Khazdan E. [The study of Cantillation Marks in Russia, Europe, America]. *Evrejskaya rech'* [The Jewish language]. St. Petersburg; Jerusalem, 2015, no 4, pp. 10–39. (In Russian).
- Khazdan E. [Three Questions in the history of studying the Jewish Signs of Cantillation]. *Konceptualizaciya muzyki v avraamicheskikh tradiciyah* — 2018 [Conceptualization of music in the Abrahamic traditions — 2018]. Moscow: SIAS Publ., 2018, pp. 264–287. (In Russian).
- Harchlaa P. (ed.). *Tolkovanie vethozavetnyh knig. Ot knigi Isaii po knigu Malahii* [The interpretation of the old testament books. From The book of Isaiah on the book of Malachi]. Ashford: Slavyanskoe missionerskoe izdatel'stvo Publ., 1966. (In Russian).
- Khukhuni G., Osipova A. [On the concept of “Official Translation” of the Bible]. *Uchenye zapiski Nacional'nogo obschestva prikladnoii lingvistiki* [Scientific notes of the National society of applied linguistics], 2013, no 4, pp. 89–97. (In Russian).
- Chugunova T. [English Bibles of the 16–17th centuries: problems of interdependence] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Lobachevsky University of Nizhny Novgorod Bulletin], 2015, no 2, pp. 290–295. (In Russian).

Yampolskaya S. [Autonomismus, socialismus, ans idiotismus: European loan words in Hebrew, 1917–1918]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 2015, no. 3, pp. 90–109. (In Russian).

Jacobson J. R. *Chanting the Hebrew Bible (complete edition): The complete guide to the art of Cantillation*. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 2002. (In English).

Jaffé D. De la Bible au Talmud: conservatisme et innovation. *La civilisation du judaïsme. De l'exil à la diaspora*. Paris, 2012, pp. 135–146. (In French).

Levine J. A. *Synagogue song in America*. Crown Point (IN): White Cliffs Media Company, 1989. (In English).

MacKenzie C. A. *Theology and the great tradition of English Bibles*. Available at: http://www.issuesetcarchive.org/issues_site/resource/archives/macken.htm (accessed: 20.02.2020).

Shiloah A. *Hamoreshet hamusikalit Shel Kehilot Yisrael* [Musical heritage of Jewish communities]. Tel Aviv: Open University Publ., 1985. (In Hebrew).

Strauss M. L. Form, Function and the “Literal meaning”: fallacy in English Bible translation. *The Bible translator. Technical papers*, 2005, vol. 56, no 3, pp. 153–168. (In English).

Zuckermann G., Holzman G. Let my people know!: Toward a Revolution in the Teaching of the Hebrew Bible. *International Journal of the Sociology of Language. Special issue: Jewish Language Contact*, 2014, no. 226, pp. 57–82. (In English).

Submitted: 12.02.2020

Accepted: 09.04.2020

Article is published: 01.07.2020